

Режиссёр Ван наблюдал, как Ло Ханьян трусцой пробирается сквозь толпу и протискивается на съёмочную площадку. Не удержавшись, он проворчал:

— Ло, я не хочу показаться ворчливым, но вам, молодёжи, не мешало бы хоть немного заниматься спортом. Посмотри на себя: пробежала-то всего ничего, а лицо уже красное!

Ло Ханьян смущённо прикрыла ладонью половину лица, собираясь что-то ответить, но её перебил едкий голос:

— У Ло теперь такие замашки, что нам всем приходится ждать одну-единственную персону.

Шэн Цзинцзин, небрежно прислонившись к перилам, смотрела на неё с нескрываемым пренебрежением.

— Прошу прощения, что заставила всех ждать, — вежливо ответила Ло Ханьян.

Она знала, что Шэн Цзинцзин затаила на неё обиду и теперь отыгрывается, но Ло Ханьян не хотела раздувать конфликт: работа была сейчас важнее всего.

Шэн Цзинцзин закатила глаза, издала пренебрежительное фырканье и, перестав обращать внимание на Ло, повернулась к другой женщине, стоявшей посреди дороги. Её выражение лица тут же изменилось: на губах заиграла кокетливая улыбка, а в голосе проскользнули заискивающие нотки:

— Ведь так, учитель Сюй?

Женщина, которую она назвала учителем Сюй, отличалась спокойным и сдержанным нравом. У неё были тонкие губы, высокий прямой нос и правильные, почти андрогинные черты лица. Это была Сюй Синчэнь, исполнительница главной роли, популярная звезда, прославившаяся благодаря постапокалиптической драме. Бесспорно, она была самой высокооплачиваемой актрисой в проекте «Летняя страсть».

Режиссёр Ван, который до этого был полностью сосредоточен на мониторе, заметно помрачнел от такого бесцеремонного прерывания процесса. Однако воротник Шэн Цзинцзин действительно завернулся от ветра, поэтому он ничего не сказал, лишь поднял руку, давая знак оператору:

— Стоп, стоп. Давайте сделаем паузу, пока госпожа Шэн не будет готова.

Шэн Цзинцзин издала короткий смешок, и на её лице засияло торжество. Она уже вышла на гравийную дорожку и встала рядом с Сюй Синчэнь. Шэн Цзинцзин с любопытством разглядывала высокую женщину-альфу — Сюй Синчэнь всегда придерживалась имиджа холодной и неприступной красавицы, из-за чего у неё было огромное количество фанаток-омег, готовых ради неё на всё.

— Сцена восемнадцать, дубль три, дубль один. Мотор!

Пока все были заняты своими делами и не обращали на них внимания, Шэн Цзинцзин подошла ближе и прошептала Сюй Синчэнь на ухо:

— Учитель Сюй, я тут случайно услышала, как реквизиторы болтали: госпожа Сы приехала на площадку.

Сюй Синчэнь и Шэн Цзинцзин шли плечом к плечу, молча любуясь пейзажем. Шэн Цзинцзин никогда не упускала возможности приударить за сильными и красивыми альфами, будь то мужчина или женщина. Она бросила на Сюй Синчэнь многозначительный взгляд и, якобы случайно, прижалась к ней, сохраняя тонкую грань между прикосновением и дистанцией.

Помощник Сяо Ван, поправляя воротник своей подопечной, украдкой огляделся по сторонам.

— Я помогу вам, — подбежал стажёр из гримёрной группы.

— Не нужно, — отрезала Шэн Цзинцзин и крикнула: — Сяо Ван! — призывая своего личного помощника заняться костюмом.

Сцена предполагала, что две героини прогуливаются по гравийной дорожке, останавливаются и произносят реплики, после чего сбоку выбегает Юй Тянь, завязывается перепалка и следует небольшая потасовка.

Шэн Цзинцзин, увидев, что всё идёт по плану, осталась довольна. Она едва могла сдержать улыбку, когда уточняла у помощника:

— Ты уверен в том, что сказал? Госпожа Сы сейчас на площадке и наблюдает за нами?

Сюй Синчэнь, казалось, не желала поддерживать разговор с Шэн Цзинцзин. Она лишь рассеянно кивнула и обратилась к режиссёрской группе:

— Режиссёр Ван, давайте начнём.

— Подождите, режиссёр Ван, — вдруг взмахнула рукой Шэн Цзинцзин, небрежно добавив: — У меня воротник криво лежит, поправьте, прежде чем снимать.

Шэн Цзинцзин, видя, что происходит, недовольно цокнула языком, но промолчала.

Вдоль гравийной дорожки росли искусственные ивы, чьи ветви хаотично танцевали в воздухе под порывами прохладного осеннего ветра.

— Хм... Значит, госпожа Сы всё-таки не может меня отпустить, раз приехала сюда следом, — её тон был самоуверенным и высокомерным. — Впрочем, я не позволю ей так легко вернуть моё расположение. Мне нужно выбить побольше ресурсов.

Воспользовавшись паузой в съёмках, Ло Ханьян спряталась за искусственным деревом и сделала несколько глубоких вдохов, чтобы войти в образ. В этой сцене было много физического контакта, требовавшего мгновенного эмоционального взрыва, поэтому ей нужно было как следует подготовиться. Гнев постепенно копился в её сердце, дожидаясь момента, когда плотина прорвётся.

С гравийной дорожки доносились голоса двух главных героинь, которые уже заняли свои позиции.

— Детка, сколько раз мне повторять? Юй Тянь — всего лишь моя студентка, я никогда не испытывала к ней чувств!

— Я не верю! Если хочешь, чтобы я поверила, иди к ней прямо сейчас и откажи ей при мне!

— Хорошо, хорошо, я сделаю всё, как ты хочешь.

Юй Тянь, стоя за ивой, слышала каждое слово. Она больше не могла сдерживать эмоции. Её бывшая учительница, её светлый идеал, её первая любовь, после увольнения призналась в чувствах этой двуличной лисице. Юй Тянь не могла этого принять. Ей казалось, что все вокруг сошли с ума.

Гнев сжигал её изнутри. Ей хотелось разорвать фальшивую маску этой лисицы. Настало время её выхода.

Съёмки шли своим чередом, огромный кран с камерой плавно двигался в воздухе. Внезапно в глубине площадки раздались нестройные крики.

Сы Тинъюэ сидела в самом углу. Она видела, как организованная толпа вдруг пришла в движение, и слегка нахмурилась. Люди сбивались в кучу, что-то выкрикивая, шум стоял такой, что невозможно было разобрать ни слова.

Наконец, раздался отчётливый крик:

— Ло упала!

Услышав это, Сы Тинъюэ мгновенно помрачнела и резко поднялась со стула. Но путь преграждали толпы сотрудников и чья-то гримёрная команда. Сы Тинъюэ видела только макушки людей, бегущих к центру площадки. Охваченная тревогой и дурным предчувствием, она, не раздумывая, бросилась в толпу.

— Дайте дорогу! Быстрее, расступитесь!

Стажёры, стоявшие на краю, при виде Сы Тинъюэ в испуге отпрянули и начали кричать

остальным:

— Госпожа Сы идёт!

— Скорее, расступитесь! Пропустите госпожу Сы!

Люди начали расходиться, образуя узкий коридор. Сы Тинъюэ шла вперёд, её лицо было темнее тучи, а движения — стремительными. Она хотела как можно скорее оказаться рядом с Ло Ханьян. Люди, мимо которых она проходила, ощущали лишь холодный порыв ветра.

На съёмочной площадке Сюй Синчэнь помогала Ло Ханьян подняться. Одной рукой поддерживая её за спину, она настойчиво говорила:

— Не нервничай! Слушай меня, медленно выпрямляй ногу.

Ло Ханьян крепко зажмурилась, её губы дрожали от боли. Чёрный бант, державший высокий хвост, развязался, и его остатки безвольно свисали на растрёпанных волосах. Она была в сознании и, следуя низкому, уверенному голосу Сюй Синчэнь, начала медленно выпрямлять ногу.

Штанина была закатана до колена, на голени виднелась рваная рана, из которой сочилась кровь, окрашивая костюм. Именно такую картину увидела Сы Тинъюэ, добравшись до места.

Кожа Ло Ханьян была неестественно бледной, и эта кровоточащая рана на тонкой ноге выглядела пугающе. Девушка дрожала, прижавшись к Сюй Синчэнь, и не открывала глаз. Лишь её длинные ресницы мелко подрагивали, выдавая охвативший её ужас.

В тот момент кровь ударила Сы Тинъюэ в голову, а глаза налились алым. Голова пылала, но руки стали ледяными, словно разум покидал тело. Она опустилась на корточки рядом с Ло Ханьян и, стараясь говорить спокойно, спросила:

— ...Как она?

Сюй Синчэнь, не ожидавшая увидеть здесь Сы Тинъюэ, вытаращила глаза от удивления. Но сейчас было не до объяснений, поэтому она быстро проговорила:

— Ло Ханьян ударилась поясницей и ногой о камни, содрала кожу. Я думаю, у неё спазм мышц голени, видимо, свело ногу при падении. Но не волнуйтесь, раны неглубокие, — видя, как изменилось лицо Сы Тинъюэ, она поспешила добавить: — Просто сейчас сильная боль из-за судороги, я помогу ей размять ногу, и станет легче.

— Я сама, — отрезала Сы Тинъюэ.

Она осторожно переняла Ло Ханьян у Сюй Синчэнь, прижимая её к себе. Почувствовав тепло тела Ло, Сы Тинъюэ начала постепенно приходить в себя. Сюй Синчэнь в тот же миг облегчённо выдохнула.

Когда Сы Тинъюэ вышла из себя, её мощные феромоны сандалового дерева вырвались наружу, не подчиняясь контролю. Этот запах был невероятно властным — даже через блокатор чувствовалось, как он, подобно вожаку стаи, яростно терзает воздух. Сюй Синчэнь сама была альфой, но перед феромонами Сы Тинъюэ не могла даже помыслить о сопротивлении. Ей хотелось лишь склониться или бежать. Как только она освободила место, она поспешно отступила на несколько шагов, покидая зону влияния женщины.

Сы Тинъюэ крепко обнимала Ло Ханьян, ласково успокаивая её:

— Не бойся, потерпи ещё немного, скоро пройдёт.

Она нежно погладила голень Ло Ханьян, делая круговые движения. Почувствовав тепло, Ло Ханьян крепче вцепилась в её одежду.

— Сейчас лучше? — спрашивала Сы Тинъюэ, не прекращая массажа. — Попробуй напрячь мышцы ноги.

— Давай, ещё чуть-чуть, — она продолжала разговаривать с ней, зная, что при судороге важно отвлечь внимание.

Ло Ханьян, оказавшись в тёплых и знакомых объятиях, слыша слова заботы, бессознательно издавала тихие звуки, пытаясь ответить. Воздух был наполнен ароматом сандала. Тонкие нити этого запаха окутали её, и в своей боли она нашла единственное убежище, жадно вдыхая этот аромат.

Запах сандала вскоре начал рассеиваться, и Ло Ханьян, которой было мало, потянулась носом, пытаясь уловить его остатки. Сы Тинъюэ чувствовала, что Ло Ханьян больше не лежит неподвижно, она начала слегка тереться об неё в поисках комфорта. Но этого ей было недостаточно — она уткнулась лицом в пальто Сы Тинъюэ. Под пальто была тонкая рубашка, через которую аромат сандала чувствовался ещё сильнее.

Сы Тинъюэ, снова ставшая холодной и невозмутимой, приказала логистической группе:

— Отнесите аптечку в комнату отдыха.

Стажёры бросились выполнять распоряжение.

— Больше нечего здесь глазеть, — бросила она, окинув холодным взглядом толпу. — Займитесь своей работой.

Зрители начали переглядываться и, зашумев, поспешно разошлись. Сы Тинъюэ просунула руку под колени Ло Ханьян и легко подняла её на руки. Никто из окружающих не осмелился произнести ни слова, все молча расступались.

Уходя, Сы Тинъюэ даже не взглянула на остальных. Лишь коротко кивнула режиссёру Вану, оставив всех на площадке созерцать свою холодную спину.

<http://bllate.org/book/21471/2197046>